

## И. М. САДОВСКИЙ.

(Некрологъ).

Драматическое искусство въ Россіи понесло одну изъ чувствительнѣйшихъ потерь въ лицѣ геніальнаго Прова Михайловича Садовскаго, скончавшагося вчера, шестнадцатаго іюля, послѣ сколько продолжительной, столько же тяжелой болѣзни.

Провъ Михайловичъ Ермиловъ родился 10 октября 1818 года въ городѣ Ливнахъ, Орловской губерніи, гдѣ тогда отецъ его находился по своимъ откупнымъ дѣламъ; осиротѣвъ девяти лѣтъ, мальчякъ отданъ былъ на воспитаніе брату своей матери, Григорію Васильевичу Садовскому, оперному ибвцу и извѣстному исполнителю ролей первыхъ любовниковъ; отъ этаго то дяди Провъ Михайловичъ и принялъ фамилію, которую онъ впоследствии сумѣлъ такъ прославить. Подъ руководствомъ дяди, мальчикъ началъ знакомиться со сценой и привыкать къ театру, который полюбилъ, разъ освоившись съ привлекательной стороной сценическаго искусства. По смерти Г. В. Садовскаго, Провъ Михайловичъ продолжалъ жить при другомъ своемъ дядѣ, комическомъ актерѣ Д. В.; подъ его то руководствомъ четырнадцатилѣтній Садовскій дебютировалъ въ Тулѣ въ роли Сэзара въ пьесѣ П. Н. Арапова: *Вателъ, или потомокъ великаго человека*. Дебютъ былъ успешенъ и Садовскій сыгралъ въ ту зиму до двадцати ролей самыхъ разнообразныхъ, получивъ за все время отъ директора театра наградныхъ *цѣлковыхъ*. Очевидно, что на такое жалованье жить нельзя было и вотъ Садовскій поступилъ въ труппу Шилкина и Верстовскаго въ Рязань; съ этой труппой ѣздилъ въ Елецъ и Лебедянь. Труппа эта находилась въ самомъ плачевномъ положеніи, не дѣлая никакихъ сборовъ; актерамъ приходилось за частую голодать и потому Садовскій былъ очень радъ, когда дядя увезъ его въ Воронежъ и помѣстилъ тамъ на ничтожное жалованье. Чрезъ годъ странствующій актеръ уѣхалъ въ Тамбовъ и Казань, гдѣ прожилъ полтора года. Случайно посѣтивъ Москву, Провъ Михайловичъ познакомился здѣсь съ В. И. Живокіни и, благодаря теплоту участію этого замѣчательнаго артиста, имѣлъ возможность часто бы-

вать въ московскомъ театрѣ. Но съ провинціей Садовскій тогда еще не разстался: онъ вернулся скоро въ Воронежъ, Рязань и Тулу. Въ Тулѣ онъ сдѣлался любимцемъ публики и режиссировалъ спектаклями, такъ, что содержатель театра, Азбукинъ, заключилъ съ нимъ контрактъ, опредѣливъ 500 р. неустойки въ случаѣ отказа. Прождавъ долго по напрасну, чтобы Азбукинъ составилъ труппу, Садовскій рѣшился ѣхать въ Москву, гдѣ послѣ дебюта въ апрѣлѣ 1838 года, былъ принятъ на службу въ московскихъ театрахъ; затѣмъ, оставаясь до своей кончины въ Москвѣ, Садовскій ѣздилъ иногда пожинать лавры своей славы въ Петербургъ и другіе города; но Москву полюбилъ и привязался къ ней тою любовью, которую отличаютъ къ своему городу одни коренные москвичи.

Талантъ Садовскаго былъ чрезвычайно своеобразный и чисто-русскій; проведя дѣтство и молодость среди простонародья, одаренный замѣчательно наблюдательностью и искусствомъ схватывать характеристическія черты различныхъ русскихъ типовъ, Садовскій явился лучшимъ, единственнымъ истолкователемъ народной драмы. Гоголь и Островскій своей громадною популярностью обязаны были многимъ Садовскому, который являлся ихъ живымъ истолкователемъ, художественно создавая цѣльные лица изъ того развитія характеровъ въ русской снадѣ, которое представляли наши драматурги. При необятномъ комизмѣ, Садовскій внесилъ въ исполнение своихъ ролей столько жизненной правды, столько истиннаго художества, что впечатлѣніе его игры не могло изглаживаться изъ памяти зрителя. Садовскій не былъ чуждъ и той замѣчательной черты, которая отличаетъ всѣхъ геніальныхъ комиковъ: это не только желаніе быть трагикомъ, но и увѣренность въ своихъ трагическихъ способностяхъ, чему доказательствомъ служить, между прочимъ, его дебютъ въ Король Лпрѣ.

Утрата Садовскаго тѣмъ болѣе незамѣнима и чувствительна, что своимъ чисто русскимъ талантомъ онъ приучилъ народъ не только любить театръ, но и видѣть въ немъ школу, эту главную задачу театра, по выраженію великой Екатерины.

С. Я.



## ПРОВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ САДОВСКИЙ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ 16 июля 1872 года Москва и вмѣстѣ съ ней Россія понесли невознаградимую утрату—не стало лучшаго украшенія русской сцены, великаго артиста Прова Михайловича Садовскаго. Плодотворная дѣятельность этого артиста, сорокъ лѣтъ непрерывно трудившагося для роднаго театра, вѣроятно известна всякому интеллигентному русскому человѣку и я поэтому теперь только въ краткихъ словахъ напомнимъ о ней. Провъ Михайловичъ Садовскій (по отцу Ермиловъ) уже въ 1831 году, на 14 году своей жизни, посвятилъ себя служенію сценѣ, на которой онъ выросъ, живя послѣ смерти отца по-очередно у своихъ родственниковъ—провинціальныхъ актеровъ Садовскихъ.

Хотя маленькаго Прова предназначали къ другой дѣятельности, а именно къ изученію архитектуры, но призваніе къ сценѣ въ будущемъ великомъ артистѣ сказало уже въ томъ возрастѣ, когда другія дѣти еще сидятъ за школьною указкой. Первою ролью, которой молодой дебютантъ началъ въ Тулѣ у антрепренера Турчанинова свою артистическую карьеру, была роль Сегари въ переведенномъ водевилѣ Скриба *Витель или потомокъ великаго человѣка*.

Въ первый же годъ маленькій артистъ переигралъ болѣе 15 разныхъ ролей и имѣлъ постоянный успѣхъ, бывшій предвѣстникомъ тѣхъ восторговъ, которые потомъ, черезъ много лѣтъ, онъ вызывалъ у москвичей въ своихъ коронныхъ бытовыхъ роляхъ. Съ этого сезона, по окончаніи котораго будущій корифей русской сцены получилъ отъ директора театра въ награду 1 рубль цѣлковый, началась горькая жизнь провинціального актера, живущаго вѣчно впроголодь. Но ни голодь, ни холодъ, не утѣмили молодого человѣка, служившаго сценѣ исключительно ради безконечно дорогаго ему искусства, и онъ до 1839 года переѣзжаетъ изъ города въ городъ, сначала незамѣтнымъ труженикомъ, а потомъ выдающимся уже артистомъ, съ которымъ антрепренеры торопятся заключить контракты съ громадными по тому времени неустойками.

До чего трудна была эта кочевая жизнь провинціального актера, какія лишенія приходилось испытывать П. М., доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ теченіе одного сезона въ Ельцѣ дѣла труппы шли на столь-

ко плохо, что одинъ изъ актеровъ (Лебедевъ) умеръ буквально голодною смертію.

Въ 1839 году Садовскій переѣхалъ въ Москву, гдѣ и былъ принятъ послѣ удачнаго дебюта на сценѣ Малаго театра въ роли Жанъ-Бизу въ водевилѣ *Любовное Зелье* или *Цирюльникъ Стихотворецъ*.

Московская критика встрѣтила однако появленіе молодого дебютанта не особенно благоприятно; ему предсказывали неблестящую будущность второстепеннаго и даже третьестепеннаго актера на комическія роли. Никому не приходило въ голову, что въ новомъ членѣ труппы они видятъ великаго въ будущемъ артиста.

Только въ 1841 году въ *Москвитянинѣ* замѣтили молодого Садовскаго.

Съ этого года онъ сталъ болѣе замѣтенъ, его имя начало все чаще появляться на афишахъ. Въ 1844 году онъ получаетъ свой первый бенефисъ *Мъщанинъ-Дворянинъ* и становится въ ряду первостепенныхъ артистовъ труппы.

Дальнѣйшій ростъ Садовскаго, какъ артиста, продолжается до середины 60 годовъ.

Московская критика поетъ ему уже хвалебныя гимны, публика видитъ въ немъ своего кумира. Голодавшій неоднократно маленькій провинціальный актерикъ дѣлается теперь другомъ Островскаго, на творчество котораго онъ оказываетъ вліяніе, являсь въ то же время лучшимъ истолкователемъ и исполнителемъ его типовъ.

Въ срединѣ 60 годовъ въ Садовскомъ начинается замѣчаться подъ вліяніемъ развивавшейся болѣзни упадокъ силъ, который выражался въ ослабленіи памяти, отсутствіи прежняго темперамента и силы экспрессіи.

Въ 1872 году болѣзнь уже достигаетъ своего апогея и сводитъ его въ могилу.

Послѣдней ролью, въ которой москвичи видѣли Садовскаго, была роль Восмибратова въ *Листѣ*, сыгранная имъ 23 мая за полтора мѣсяца передъ смертію.

Огромный талантъ Садовскаго, нашедшій лучшее выраженіе въ роляхъ бытовыхъ и комическихъ, не былъ однако чуждъ и драматизма, который проявился особенно во второмъ періодѣ его дѣятельности. Лучшими ролями его считаются роли въ пьесахъ Островскаго, и въ нихъ Садовскій обнаруживалъ въ наибольшей яркости тѣ свои качества, которыя прославили его какъ *пионера правды, естественности и простоты* на русской сценѣ.

Семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, 11 октября 1818 года, въ городѣ Ливнахъ, Орловской губерніи, у рязанскаго мѣщанина Михаила Ермилова, служившаго до вѣрныма по откупамъ, родился сынъ, названный Провомъ. Ему суждено было въ послѣдствіи, подъ фамиліей Садовскаго, служить украшеніемъ драматической труппы Императорскаго Московскаго театра и оставить свое имя знаменитымъ въ исторіи русскаго сценическаго искусства. Главная артистическая заслуга П. М. Садовскаго—въ художественномъ изображеніи основныхъ типовъ комедій А. Н. Островскаго. П. М. Садовскій умеръ, проживъ немного болѣе полувѣка († 16 июля 1872 года), но успѣлъ сдѣлать для русскаго театра многое, какъ главный и лучшій представитель сценическаго искусства въ той его области, къ которой принадлежатъ бытовые комедія и драма. Посвящая эти строки памяти П. М. Садовскаго и отличая этимъ памятный день годовщины его рожденія, снова напомнимъ объ его могилѣ, принимающей все болѣе и болѣе видъ забвенія и запустенія. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не разъ уже помѣщались замѣтки по этому поводу (1892, № 195; 1893, № 235), перечатанныя и другими органами періодической печати. Общественное вниманіе, слѣдовательно, заинтересовано этимъ фактомъ непростительной небрежности по отношенію къ могилѣ выдающагося общественнаго дѣятеля. Указывалось въ этихъ замѣткахъ и на то что содержаніе могилы въ порядкѣ и чистотѣ не можетъ быть производимо на общественныя средства, вѣроятно, потому что у покойнаго артиста живы близкіе родственники, у которыхъ никто не въ правѣ отнять обязанность охранять мѣсто погребенія дорогаго имъ человѣка. Печатное слово не пробудило, однако, ни въ комъ вниманія къ могилѣ Садовскаго настолько, чтобы привести ее въ соответствующій ея значенію видъ. Попржежнему, какъ и было описано, разный соръ, на-

копившійся не за одинъ годъ, накренившійся памятникъ безо всякой надписи, покосившаяся рѣшетка и проч. производятъ обычное грустное впечатлѣніе забытой или забываемой могилы общественнаго дѣятеля. Нельзя не отдать справедливости администраціи Пятницкаго владбища за ея память къ имени Садовскаго. Приводя владбище въ порядокъ, администрація дала названія вѣсѣмъ владбищенскимъ дорожкамъ и отмѣтила эти названія на особо поставленныхъ дощечкахъ—указателяхъ. Та дорожка, около которой погребенъ П. М. Садовскій, называется теперь, какъ обозначено на указателѣ, *дорожка Садовская*, и только по этому можно найти могилу артиста, надмогильный крестъ котораго лишенъ почему то рѣшительно всякой надписи.

Сегодня тридцать лѣтъ какъ умеръ Провъ Михайловичъ Садовскій. Я не сомнѣваюсь, что около его скромной могилы на Пятницкомъ кладбищѣ соберутся не только его потомки, но и люди, которые когда-то рукоплескали ему, восторгались его дарованіемъ, или чтутъ его память по традиціи. Съ Садовскимъ сомолъ въ могилу истинный русскій самобытный комикъ, смолкъ настоящій смѣхъ. По разсказамъ его современниковъ, Провъ Михайловичъ никогда не думалъ смѣяться, онъ выходилъ на сцену и жилъ жизнью своего героя съ такой ассимиляціей съ послѣднимъ, что передъ вами былъ человѣкъ въ смѣшномъ, а порой и глупомъ, положеніи, надъ которымъ нельзя не смѣяться. Публика была довольна, была счастлива, и за это она должна быть благодарна Садовскому. Въ то время не знали настроенія и разстройства нервовъ зрителей, смотрѣли на театръ, какъ на развлеченіе, на зрѣлище, которое отрывало отъ пошлости и прозы обыденной жизни. И публика была благодарна за это Садовскому. Онъ былъ любимецъ Москвы, она бла-



говоря передъ нимъ, его имя произно-  
силось всегда съ улыбкою.

— Провъ Михайловичъ! нашъ!

Пускай сегодня, когда вспоминается па-  
мять Прова Михайловича, слово «нашъ»  
останется. Пускай онъ будетъ всегда на-  
шимъ, какъ наши Гоголь и Островскій.

Р. М. 192 \* \* \* 16 июля 1902

Русск. Литерат. № 192 16 июля 1902

Случайно мнѣ попалось въ руки до сихъ  
поръ нигдѣ не напечатанное письмо извест-  
наго въ свое время критика Е. Н. Эдель-  
сона къ Островскому. Въ письмѣ этомъ  
Эдельсонъ между прочимъ передаетъ инте-  
ресныя впечатлѣнія отъ спектаклей Садов-  
скаго въ Петербургѣ.

«Садовскій дебютировалъ во вторникъ,  
23-го апрѣля 1857 года, въ «Бѣдность не  
порокъ». Несмотря на дурную погоду въ  
этотъ день, театръ былъ почти полонъ и, по  
замѣчанію здѣшнихъ, публика была гораздо  
чище обыкновенной александринской. Не-  
терпѣніе видѣть и привѣтствовать дорогого  
гостя было такъ сильно, что каждый разъ,  
какъ отворялась дверь и показывалось на  
сцену новое лицо, раздавались рукоплеска-  
нія, которыя конечно тотчасъ умолкали,  
какъ скоро публика замѣчала свою ошибку.  
Наконецъ появился и Садовскій. Я, какъ  
вамъ известно, видѣлъ его и въ первый  
разъ, видѣлъ его и послѣ, но никогда онъ  
не производилъ на меня такого впечатлѣ-  
нія. Онъ мнѣ казался даже выше ростомъ  
(говорю безъ преувеличенія). Минуты двѣ  
или три публика не давала ему начать, и  
онъ оставался въ дверяхъ, въ своей мон-  
ументальной позѣ, съ поднятой рукой. Даль-  
нѣйшая игра его была рядомъ торжествъ.  
Ужъ и постарался же онъ! Я спрашивалъ  
его на другой день, что онъ дѣлалъ особаго  
въ этотъ день и почему игра его была такъ  
особенно рельефна, всякое слово такъ  
хлестко. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что хотѣлъ по-  
пятнѣе передать публикѣ точныя слова ро-  
ли, которыя здѣсь безжалостно коверкают-  
ся. Можете удовлетвориться этимъ объясне-  
ніемъ или нѣтъ, а я, по обязанности раз-  
сказчика, перехожу опять къ описанію пред-  
ставленія. Впечатлѣніе, производимое на  
всѣхъ незнакомою петербургскою публикѣю

игрою Садовскаго, новость и неожиданность  
смысла, который онъ придалъ знакомой  
всѣмъ роли, были такъ сильны, что сами  
актеры поддались этому обаянію и сдѣла-  
лись тоже какъ будто публикой. Съ ними  
случилось то же самое, что съ самимъ Са-  
довскимъ при появленіи Васильева въ  
«Наѣздникахъ». Дамы, старики, гусары и  
прочіе плакали безъ различія. Какой-то ста-  
рикъ со звѣздой, кажется Гречъ, говорилъ  
во всеуслышаніе, что онъ въ первый разъ  
видитъ истинное и высокое исполненіе этой  
роли. По окончаніи пьесы Садовскій былъ  
вызываемъ неоднократно, объ остальныхъ  
актерахъ всѣ какъ будто забыли (да ужъ и  
плохи же были остальные).

«Садовскій игралъ послѣ того еще три  
раза: въ четвергъ въ «Женитьбѣ», въ  
воскресенье, по желанію публики, опять въ  
«Бѣдность не порокъ», и въ понедѣльникъ,  
въ бенефисъ М. Максимова, въ «Что имѣемъ  
не хранимъ» вмѣстѣ съ Мартыновымъ. На  
последнихъ двухъ представленіяхъ я по  
болѣзни не былъ, а о второмъ скажу вамъ  
нѣсколько словъ. Публика, да и я самъ,  
остались не вполне довольны этимъ пред-  
ставленіемъ. На это было много причинъ.  
Во-первыхъ, тонъ, взятый Садовскимъ въ  
первомъ дебютѣ, былъ такъ высокъ, что ни  
въ какой другой разъ нельзя уже прибли-  
зиться къ нему, и какъ бы ни хорошо зна-  
ла публика разницу между ролями Любима  
Торцова и Подколесина, — подъ вліяніемъ  
свѣжаго еще впечатлѣнія, она все-таки  
ждетъ отъ новаго, еще впервые предста-  
вившагося ей актера, чего-то подобнаго пер-  
вому впечатлѣнію. Во-вторыхъ, всѣ осталь-  
ные актеры наводили просто тоску, съ не-  
большими исключениями, особенно Марко-  
вецкій (въ роли Кочкарева), котораго хоро-  
шая игра такъ необходима для яркости ли-  
ца Подколесина, былъ невыносимъ. Не  
зная совершенно роли, онъ говорилъ Богъ  
знаетъ что, кричалъ, ломался, даже заста-  
вилъ самого Садовскаго пропустить цѣлую  
тираду. Въ-третьихъ, наконецъ, самъ Са-  
довскій былъ, по моему мнѣнію, не совсѣмъ  
удовлетворителенъ въ этой роли... Вызововъ  
было много, хотя и холоднѣе перваго пред-  
ставленія».

Х. У.

Новороссійск. № 9511 27 августа 1902

219

Провъ саровскій (ст.)